

Э.Р. Гатиатуллина

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ СКЕПТИЦИЗМ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. Обычно в истории философии рассматриваются различия между эпикурейским, стоическим и скептическим направлениями эллинистической эпохи, а античный скептицизм, локализующийся в учении Пиррона и его последователей, часто рассматривается в качестве некоторой разновидности релятивизма и агностицизма. Автор предпринимает оригинальную попытку обратить внимание на черты сходства между ними, которые, возможно, не будучи принципиальными для своего времени, становятся существенными в исторической перспективе и позволяют рассмотреть интересный диалог между эпохами, разделёнными приблизительно двумя тысячелетиями. Если исходить из того, что родиной новоевропейского человечества является античный мир, то корни современного общества, помимо всего прочего построенного на постмодернистской демонополизации истины, во многом уходят в эллинистическую эпоху, несомненной философской заслугой которой было переоткрытие вопроса об отношении мышления к действительности, о природе и критериях истинного знания. Эллинистическая философия, характеризуясь, прежде всего, «внутренней эмиграцией», своеобразным, не антропологическим даже, а «экзистенциальным» поворотом философской мысли, индивидуалистической и эвдемонистической направленностью, во многом предвосхитила современные эпистемологические, этические и социально-философские идеи, а её представители, рассмотренные в широком историческом контексте, обернутся не «маргинальными» мыслителями своей эпохи, а настоящими пророками в мировой философской мысли.

Ключевые слова: эллинистическая эпоха, пирронизм, скептицизм, стоицизм, эпикуреизм, эпистемология, философия науки, постмодернизм, современное общество, идентичность.

Review. Philosophy of history usually considers differences between epicurean, stoic and skeptical directions in Hellenistic philosophy whereas ancient skepticism localized in Pyrrho's teaching and his followers' doctrine is often viewed as a certain kind of relativism and agnosticism. The author makes an original attempt to pay attention to their common features that, probably without being critical for their epoch, become essential in historical perspective and allow us to view an interesting dialogue of epochs partitioned by about two millenniums. Taking into account that ancient world is the origin of Neo-European mankind, contemporary society, being is built on post-modernistic truth demonopolization, is rooted in Hellenistic epoch, the undoubted philosophic merit of which was the review of the relationship between thought and reality, nature and criteria of true knowledge. Hellenistic philosophy, being characterized first of all by "internal emigration", out-of-the-way, even not anthropological, but "existential" turn of philosophical thought, individualistic and eudemonistic directions, in many ways anticipated modern epistemological, ethical and socio-philosophical ideas. Meanwhile its representatives viewed in broad historical context will turn out to be not "marginal" thinkers of their epoch but true prophets of the world's philosophical thought.

Key words: post-modernism, Hellenistic epoch, pyrrhonism, skepticism, stoicism, epicureanism, epistemology, philosophy of science, contemporary society, identity.

Традиционно считается, что античный скептицизм представляет собой одно из направлений эллинистической философии, наряду с другими философскими направлениями эллинизма – стоицизмом и эпикуреизмом. Обычно в истории философии рассматриваются различия между этими направлениями; однако можно обратить внимание на черты сход-

ства между ними, которые, возможно, не будучи принципиальными для своего времени, становятся существенными в исторической перспективе и позволяют рассмотреть интересный диалог между эпохами, разделёнными приблизительно двумя тысячелетиями. Как то ни удивительно, эллинистическая философия, характеризуясь прежде всего «внутренней эмиграцией», своеобразным, не

антропологическим даже, а «экзистенциальным» поворотом философской мысли, индивидуалистической и эвдемонистической направленностью, во многом предвосхитила современные эпистемологические, этические и социально-философские идеи. Если исходить из того, что родиной новоевропейского человечества является античный мир, то корни современного (второй половины XX – начала XXI вв.) общества, помимо всего прочего построенного на постмодернистской демонополизации истины, во многом уходят в эллинистическую эпоху, несомненной философской заслугой которой было переоткрытие вопроса об отношении наших знаний к реальному миру, о природе и критериях истинного знания. Такой поворот в интерпретации эллинистической философии и античного скептицизма предлагается в работах отечественного исследователя Д.А. Гусева [1; 2].

Возможно утверждать, что античный скептицизм можно локализовать не только в пирронизме, но и в общей интеллектуальной направленности эллинистической философии, которая выразилась, прежде всего, в скептической и протестной настроенности представителей различных философских направлений этого периода. Таким образом понятия античного скептицизма возможно рассматривать в качестве исторического рубежа, начиная с которого теоретическое мышление как бы «раздвоилось» на старое, философское и новое, научное (эпистемологическое) мышление; в результате чего начала складываться научная картина мира (не в смысле становления научной, по Т. Куну, парадигмы, а в смысле рефлексии теоретического знания), наряду с философской его картиной [3; 4]. В данном случае возможно проследить связь античного скептицизма с современной философией науки: наиболее значительные направления в ней – позитивистское, историческое и постмодернистское – объединились, подобно эллинистическим философским школам, вокруг положения, согласно которому истина в науке является во многом условностью, и научная рациональность добывает знания, а не истину в её классическом понимании. Не исключено, что идейная и историческая миссия эллинистического скептицизма, выраженного не только пирронизмом, но и другими философскими направлениями эллинизма, заключалась именно в подготовке феномена нового теоретического мышления – научного мышления.

Не беспочвенным будет утверждение о том, что античный скептицизм, в лице философов школы Пиррона, проблематизировавший истину и актуализировавший конструктивный релятивизм, выдвинул своего рода «постмодернистские» идеи и

поэтому в каком-то смысле предсказал не только постмодернизм, в том числе постмодернистскую философию науки, но и постмодернистское общество, которое стало складываться в мире приблизительно с 70–80-х гг. XX в. в результате технологической революции, связанной с изобретением компьютерных технологий коммуникации и управления, начавших перестраивать мировой социум в глобальное информационное общество. Непосредственным строителем общества стала информация, по сути, переведшая общественную жизнь в виртуальный режим, во многом переместив социальную активность из **реального** сектора в **виртуальный**. В научной литературе и в жизни уже существует «информационное общество», также – экономика, которую называют «информационной», «виртуальной», «электронной», и – управление, называемое «электронным правительством».

Фактически перемещение социальной жизни из реального сектора в виртуальный сектор – это прямой постмодернистский вызов истине, которая оказывается уже не **реальной**, а **виртуальной**, информационным конструктом, чем-то произвольным, условным, незначимым. Безусловную же значимость приобретает сама **виртуальная процедура**, виртуальная активность, не «обслуживающая» реальность, но непосредственно «в режиме реального времени» её выстраивающая. Это прямое социальное воплощение главной идеи последователей Пиррона о том, что истины нет, а есть социальная активность, которая осуществляется «по обычаю и закону» и в истине не нуждается, обходится без неё [5. I. 17]. Возможно утверждать, что античный скептицизм неявно высказал идеи «ненаправленной», «турбулентной», «прецедентной» социальной динамики, не нуждающейся в истине. Последняя оказывается ненужной, поскольку она связывается именно с направлением, устойчивостью, предсказуемостью. Античный скептицизм, умалив значение истины (в школах эпикурейцев и стоиков), а то и вовсе отрицая её (у Пиррона), тем самым и высказался за «ненаправленный» характер социальной динамики.

Например, американский исследователь У. Паркер [6] выдвигает ряд идей, перекликающихся с античным скептицизмом, поскольку он подвергает критическому анализу идентифицированные А. Франклином стратегии, которые, по мнению последнего, учёные используют для построения системы доверия к экспериментальным результатам. У. Паркер показывает, что эти стратегии аналогичны тому, что можно было бы назвать практикой «компьютерной симуляции» или стратегией «Шерлока Холмса».

По утверждению А. Франклина, говорит У. Паркер, экспериментальные результаты в физической науке обычно становятся общепринятыми исключительно на основе рационального доказательства, а не в «социальной» процедуре договора об их принятии / непринятии, как полагают некоторые теоретики и философы науки. Защищая данный тезис и приводя в его защиту собственный анализ многочисленных экспериментальных проверок, осуществляемых учёными, А. Франклин заявляет о своей претензии на создание эпистемологии эксперимента.

Между тем, отмечает У. Паркер, такие исследователи, как Т. Вайсарт и Э. Уинсберг, обращают внимание на аналогию многих, если не всех, обнаруженных А. Франклином стратегий получения учёными убедительных экспериментальных результатов со стратегией «компьютерной симуляции». У каждого человека есть свои интересы, которые побуждают его что-то совершать, что-то выполнять. Учёный – человек и потому также имеет свои интересы, побуждающие его добиваться в науке не только и не столько «объективных», сколько «интересных» ему результатов. По сути, учёный-естествоиспытатель, математически, т.е. в высшей степени рационально, оформляя ход эксперимента и экспериментальные результаты, разворачивает «уравнения своего интереса». Это похоже на некую симуляцию решения проблем, хотя проблемы, конечно, решаются. Однако решаются проблемы примерно так – в этом и состоит симуляция, – как решает их компьютер, который, моделируя вроде бы объективный, неизвестный заранее результат, выполняет свою программу, т.е. закладывает в получение результата свой «интерес».

Также и физик, проводя «объективные» эксперименты, не может избавиться от своего интереса, программирующего результат. «Компьютерная симуляция» в науке хорошо известна и заключается в том, что учёные программируют экспериментальные результаты определёнными теоретическими представлениями об исследуемом предмете; т.е. интеллект всегда «предвзят», действуя не индуктивно – от единичных фактов к их обобщению, – но в дедуктивной манере, предсказывая единичные проявления некоторого объекта из идеи, общего представления о нём. В философии науки известна целая школа, зафиксировавшая эту особенность интеллекта, – обосновывающая в качестве базового научного метода гипотетико-дедуктивный метод.

В силу того, что научное экспериментирование программируется интеллектом, решая задачу, поставленную идеей о предмете экспериментиро-

вания, оно важно в качестве именно процедуры работы интеллекта – движения от идеи к экспериментальным результатам. Эта процедура и выстраивает систему доверия в науке – постольку, поскольку превращает первоначальную идею в экспериментальные результаты. Таким образом, вопрос доверия к научным результатам – процедурный вопрос. Если процедура в науке выдержана, в том числе процедура эксперимента, доверие к результатам обеспечено. В этом и состоит «социальный» фактор научного развития – в доверии учёных процедуре в качестве фундаментального контекста обоснования научных результатов. Действительно, процедура – нечто внешнее и в этом смысле социальное по отношению к развиваемым в науке теориям. Если это «внешнее» столь важно, то и получается, делает вывод У. Паркер, что учёные занимаются своего рода «симуляцией» – проводят эксперименты, формулируют теории как бы ради процедуры, следование которой гарантирует успех, а пренебрежение – неудачу. Подобной «симуляцией» занимался и Шерлок Холмс, который блестяще раскрывал преступления, неукоснительно выполняя процедуру – применяя к очередной загадке чисто логический ключ дедуктивного метода. Шерлок Холмс со своей «дедуктивной процедурой» действовал во многом так, как работает наука, где процедура требует: 1) составить по имеющимся данным, какими бы отрывочными и скудными они ни были, общую идею о предмете; 2) вывести из общей идеи о предмете ожидаемые его проявления; 3) провести эксперименты по подтверждению / опровержению этих ожиданий, т.е. по подтверждению / опровержению общей идеи о предмете; 4) скорректировать, если это нужно по экспериментальным результатам, общую идею о предмете и повторить пункты (2) и (3), возвращаясь к пункту (1) и последующим пунктам до тех пор, пока экспериментальные результаты не покажут, что больше не нужно возвращаться к пункту (1).

Заметим, отмечает У. Паркер, что наука, где так много значит процедура, даёт, в конечном счёте, результаты, не вызывающие к себе недоверия. Хотя вся научная процедура осуществляется внутри теоретического мышления и в принципе не может оказаться «по ту сторону» к нему, т.е. не может выступить независимым критерием научной истины. Следовательно, есть всеобщее «по умолчанию» согласие, что доверие к научным результатам не является проблемой, поскольку оно обеспечивается, можно сказать, автоматически – самой процедурой в науке. Однако то, что не является проблемой для самих представителей науки, да и для общества,

делается проблемой теми, кто теоретизирует по поводу науки, пытаюсь найти для нашего интеллекта «независимое» обоснование его надёжности как инструмента добывания знаний, заслуживающих доверие. Вот и А. Франклин ищет в науке специальные стратегии, которые якобы развивают учёные именно в области эксперимента, чтобы повысить доверие к экспериментальным результатам. Он насчитывает пять таких стратегий. Одна из них – стратегия использования такого экспериментального инструментария, который уже рекомендовал себя как «производитель точных результатов». Следующая стратегия – ожидаемое экспериментатором поведение экспериментального инструментария. Третья стратегия – опора на экспериментальный инструментарий, в основе которого лежит хорошо подтвержденная теория. Четвёртая стратегия – независимое подтверждение результатов. Пятая стратегия – «исключение возможных источников ошибок или / и альтернативных объяснений результатов» [6, р. 168-172].

Между тем анализ того, что А. Франклин считает стратегиями, сознательно применяемыми самими учёными с целью повышения доверия к научным (экспериментальным) результатам, показывает, что все эти «стратегии» – принадлежность процедуры научной работы; и исследователь, проводя эксперименты, просто следует процедуре – «стратегии Шерлока Холмса», – а не «стремится повысить доверие к экспериментальным результатам». Подобное стремление было бы абсурдным, поскольку означало бы недоверие учёных к самим себе, науке как таковой. Если бы Шерлок Холмс не доверял своему методу, он не был бы Шерлоком Холмсом. Точно так же, наука существует и доказывает свою силу благодаря своей процедуре, своему методу, и ей не нужно искать никаких дополнительных подтверждений того, что её результаты заслуживают доверия [7; 8; 9].

Вывод в отношении науки, отмечает У. Паркер в заключение, может прозвучать парадоксально, но научные знания ценны не тем, что устанавливают истину, а тем, что разгадывают загадки. Истина сама по себе ни к чему не побуждает. Загадка побуждает к преодолению, мотивирует развитие. Наука погружена в процедуру разгадывания загадок, и не столь важно, являются ли разгаданные загадки «объективными истинами», но важно, что очередная разгаданная загадка есть состоявшееся развитие и новый уровень развития общества. Если бы науки не было – не как поставщика объективных истин, но как «Шерлока Холмса», – общество не развивалось бы; чем равнодушнее человек к загадкам, тем он более уверен, что всё знает, объ-

ективно оставаясь невежественным, инертным, неразвитым. Одна из миссий науки-процедуры состоит в обеспечении самого принципа общественного развития.

Как видим, У. Паркер занимает в отношении науки вполне постмодернистскую позицию, доказывая, ей нужна не истина, но – **правильная** процедура «разгадывания загадок» (решения проблем). Это картина «ненаправленной» науки – не имеющей цели в виде истины. Наука движется от проблемы к проблеме, а в пределах каждой проблемы – от знания проблемы до знания решённой проблемы. Таким образом, знание растёт. Однако этот рост не приближает к истине и не отдаляет от неё, поскольку невозможно доказать, что очередная решённая проблема есть достигнутая истина. Последняя оказывается пустым понятием, или условным термином. Наука – воплощение человеческой рациональности, и можно сказать, что человек «программирует» науку так, как он программирует компьютер. Поэтому человек, спрашивающий науку, что есть истина, не получит ответа, т.к. он спрашивает самого себя. Это и поняли представители античного скептицизма, выдвинув идею «мудреца», который знает, что бессмысленно задаваться вопросом, что есть истина, – ответа не существует в принципе, поскольку его нет и у самого «мудреца» (родового человека) [10; 11; 12; 13].

Другое дело, что человек не может не задаваться таким вопросом – просто потому, что он обладает мышлением. Но «мудрец» понимает тщетность подобного вопроса, а «глупец» – нет; и оба ведут себя в реальной жизни по-разному. «Мудрец» живёт, не обольщаясь истиной, «глупец» обольщается и потому готов принять за истину то, что ему кажется истиной, либо «авторитетно» подсказывается или навязывается в качестве таковой. «Глупец» – необходимая, условная характеристика «массового (среднего) человека», т.е. характеристика подавляющего большинства членов общества. «Мудрец» – также условная характеристика явного меньшинства его членов. Согласно такой «социологии», неявно содержащейся в античном скептицизме и особенно читаемой у последователей Пиррона, общество не только не преследует истину **реально**, но и в целом (за вычетом «мудрецов») **обольщается** фетишем истины, различными её подменами, что лишь увеличивает дезориентацию и растерянность индивида в социуме, который и так, онтологически, является «ненаправленным» [14; 15]. Это – картина общества постмодерна; общества, естественного для человека, поскольку оно (как и наука) программируется человеком, не знающим, что есть истина. Общество в целом, как и наука (и любая человече-

ская деятельность), живет по законам «компьютерной симуляции» – когда экзистенциальной целью, дающей всему смысл, является сама процедура, процесс производства всевозможных «продуктов». В этом и заключается экзистенциальная истина, а «продукты» – её простая функция. Скептически ориентированные философы эллинизма видели эту экзистенциальную истину – вспомним тех же стоиков, у которых процедура мышления выводила «за скобки» свой продукт (согласие мышления с самим собой – истину), достигаемый автоматически; не говоря уже о последователях Пиррона, прямо отрицавших саму возможность достижения истины как таковой [16; 17; 18].

Возможно утверждать, что человек всегда строил общество постмодерна – общество без истин как таковых, но основанное на истине процедуры, процесса, метода. Однако человек упорно ищет истины как таковые – в этом его природа, – которые он никогда не найдет, поскольку ищет их, развивая процедуры «компьютерной симуляции» и не отдавая себе отчёт в том, что именно в них заключается истина. Поэтому изобретение компьютерных технологий коммуникации и управления, развернувшее процессы информационной и экономической глобализации, явилось своего рода **исторической необходимостью**, в результате которой общество постмодерна стало уже не только **сущностью** (многих социальных объектов и явлений), но и **сущим**.

Почему люди вообще пришли к понятию истины? Во многом потому, что в силу нашего обыденного опыта нам кажется, что существуют некие «абсолюты», которые являются непреодолимыми для нас факторами – своего рода абсолютными истинами. Один из таких «абсолютов» обыденного сознания – фактор времени. С тех пор, как обыденное сознание стало историческим, бег времени представлялся ему непреложным и необратимым – **направленным** в будущее [19; 20]. Эта открывшаяся историческому сознанию «абсолютная истина» повлекла за собой и открытие другой «абсолютной истины» – смерти. Античное неисторическое сознание не проводило разграничение между смертными людьми и бессмертными богами, таким образом, рассматривая в качестве истины не смерть, а бессмертие, – не время, а безвремяе. В этом и заключается одна из причин появления античного скептицизма: он появился на переломе эпох, переломе парадигм. Античным скептикам, находившимся ещё в координатах неисторического сознания, но уже задававшимся вопросом, что есть истина, не составляло большого труда посмотреть на неё скептически – в этих старых координатах

она не была существенной ментальной опорой. Гораздо сложнее скептицизм в отношении истины дался развитому историческому сознанию (в философии науки), привыкшему опираться на понятие истины.

Таким образом, главная историческая заслуга всех скептически ориентированных направлений эллинистической философии – пирронизма, стоицизма, эпикуреизма (а также кинизма) – состоит в открытии **метода** мышления, который в отдалённом для них будущем реализовался в научном методе и соответствующей модели общества, – «общества, основанного на науке». В свою очередь, идея «общества, основанного на науке» модифицировалась в новейшее время в общество постмодерна, которое называют по-разному – глобальным информационным обществом, «ненаправленным» социумом, постнеклассическим обществом. Суть открытого античным скептицизмом метода мышления (научного мышления) состоит в том, что мышление настроено на достижение эмпирически адекватного знания и не предназначено к ответу на вопрос, каковы вещи «на самом деле». Оно способно ответить на такой вопрос (об истине) только тогда, когда «расследует» реальные события, случившиеся в определённое время и определённом месте, например, восстанавливая картину преступления или какого-либо реального исторического события. Подобные истины (которые в принципе можно наблюдать) и имел в виду тот же позитивизм, отрицая саму возможность теоретических истин и, поэтому, запрещая теоретическому мышлению отрываться от эмпирических данных. Тем самым, позитивизм пусть и прямолинейно и даже доходя порой до примитивизма, но защищал в науке скептический в отношении истины метод достижения эмпирически адекватных теорий. Как уже говорилось, этот метод мышления достаточно точно описывали стоики, эпикурейцы предвосхитили здесь позитивистов, а школа Пиррона косвенно указывала на эмпирические границы мышления, предлагая формулировать суждения в отношении истины в форме «мне кажется, что...», «по моему мнению...».

Предлагаемая последователями Пиррона замена категоричной формы суждения «это так» на «разъясняющую», вводящую дополнительную рефлексию, форму «я думаю (мне кажется, я убеждён), что это так» имеет весьма глубокий смысл проникновения в тайну человеческой рациональности. Это не скепсис ради скепсиса, но скепсис как следствие понимания, пусть и интуитивного, присутствующего человеку **метода** мышления. Достаточно сказать, что психологи XX в. всерьёз занялись

анализом «осторожной» формы суждений, отстаиваемой пирронистами. Действительно, форма «я думаю, что...» вводит в суждение не столько субъективность («я»), сколько указание на основании суждения «это так». Форма «я думаю, что...» всегда, явно или неявно, содержится в дискурсе, показывая стремление человека объясниться, найти оправдание своим суждениям, но, вместе с тем, и понимание, что не существует этого оправдания вне мышления, поскольку отсылка идёт к «я думаю...»; т.е. человек, высказываясь по разным поводам, неосознанно следует присущему мышлению **методу** – достижения не истины, но «согласия с самим собой». Этот метод и описан античным скептицизмом в терминах идеи «мудреца», обретающего душевный покой, невозмутимость (стоики, эпикурейцы) и даже бесчувствие (Пиррон и его последователи) благодаря отказу от бесплодной погони за истиной. Метод мышления, достигающего не истины, но «согласия с самим собой» выполняет важнейшую социальную задачу – даёт человеку **психологический комфорт**, что гораздо важнее, чем знание истины; и в этом открытии – значительное достижение античного скептицизма. Поэтому не удивительно, что и наука стремится не к истинным, а «эмпирически адекватным» теориям – так человеческая рациональность охраняет в науке психологический комфорт индивида. Человек может «забываться», например, в спорах, высказываясь категорично, но, всё равно, в глубине своего родового сознания он выполняет программу охраны собственного психологического комфорта и, «остыв», теряет в обыденных разговорах интерес к «отстаиванию истины». Эту обыденную ситуацию «разумного поведения» индивида и сделала предметом своего анализа современная психологическая наука, сосредоточившись на так называемых «обыденных психологических объяснениях», которые, выполняют требование философов школы Пиррона воздерживаться от утверждений истины – категоричной формы «это так».

Данное античным скептицизмом общее представление о методе мышления, как было показано, нашло свою разработку в современных исследованиях проблемы обоснования, в которых исследователи приходят к идее античных скептических философов о том, что наиболее надежным обосновывающим ресурсом выступает сама система, сам метод нашего мышления. Современные исследователи таким образом актуализируют античный скептицизм, показывая, что обосновывающая стратегия мышления заключается не в конфронтационном, отвергающем альтернативы, понятии «истина», но в примиряющем понятии «легитим-

ность». Они показывают, что легитимность – синоним справедливости, а справедливость, в отличие от «истины», действительно способна объединить людей. Люди скажут: это справедливо и, значит, правильно – так должно быть, тем самым фиксируя состоявшееся обоснование.

Неявная идея античного скептицизма, согласно которой человеку не нужен фетиш истины, а нужно взаимопонимание, дефицит которого лишь усугубляется ложным сознанием, будто возможны индивидуальные (или групповые) держатели истины, разрабатывается, например, в совместной статье бразильского ученого М. Монтейро и американской исследовательницы Э. Китинг, которые демонстрируют, что данная идея античного скептицизма находит воплощение в современной науке, в свою очередь моделирующей человеческую коммуникацию, какой она становится в условиях глобализации. Так, М. Монтейро и Э. Китинг считают, что фактором, формирующим качественно новое лицо современной науки, становится её междисциплинарный и глобальный характер, и это выдвигает на первый план проблему взаимопонимания и командного единства исследователей, представляющих не только разные области знания, но и разные культуры. Они подчёркивают, что такая наука отчетливо демонстрирует свой конструктивистский характер – результаты в ней уже непосредственно определяются процедурой, именно процедурой установления рабочей коммуникации, рабочего взаимопонимания между членами исследовательской команды [21; 22; 23].

Практика науки, отмечают эти исследователи, драматически меняется в связи с ростом междисциплинарности разрабатываемых тем, так что привлекаемые из разных дисциплин исследователи не имеют общего исследовательского фона, и работа их в междисциплинарной области сопровождается определённым дефицитом взаимопонимания. В попытке создать общий исследовательский фон – интегрировать разные области знания – в науке происходит формирование так называемых «киберинфраструктур», когда информационные науки и компьютерные технологии становятся частью физики, химии, медицины. Актуальным становится изучение такого нового в современной науке феномена, как междисциплинарная исследовательская команда – новый тип научного сообщества, в котором проблема взаимопонимания выходит на первый план. Эту актуальную проблему коммуникации в науке можно изучать, например, социологически – сделав объектом изучения, скажем, еженедельные собрания междисциплинарной исследовательской команды, на которых члены ко-

манды представляют друг другу выполненную ими к этому времени часть общего исследовательского проекта и обсуждают проблемы его выполнения. Такие собрания способствуют лучшему определению целей команды и лучшему взаимопониманию участников проекта, а изучение подобных собраний помогло бы понять, что такое современная наука как междисциплинарное сотрудничество.

Коммуникация – это язык, и если коммуникация в современной науке в виду трансформации научного сообщества в междисциплинарное научное сообщество становится актуальной проблемой, то возрастающее значение становится роль языка в науке. Наука с её тенденцией междисциплинарного сотрудничества моделирует глобальное информационное общество, и это сходство только усиливается появлением и наращиванием в науке киберинфраструктуры. Центром глобального информационного общества также является коммуникация-язык в виде компьютерной коммуникации – компьютерного языка. Компьютерная коммуникация уже повлияла на национальные языки, которые в той степени, в какой они вовлечены в глобальное информационное общество, приобретают быстроту, лаконичность и новую тональность, формируя феномен глобального компьютерного сообщества, где складывается некое новое взаимопонимание [24; 25; 26]. Данная проблематика поднимается и рассматривается, хотя и в контексте преподавания иностранного языка (во многом как междисциплинарная), в работах отечественного исследователя О.В. Флерова [27; 28; 29].

Подобным образом, в современной науке складывается междисциплинарное сообщество, вырабатывающее свой язык – новый язык научной коммуникации – в преодолении дефицитов взаимопонимания участников междисциплинарного сотрудничества. Этими дефицитами являются: разное понимание легитимности знания – когда участники демонстрируют разный подход к обоснованию связи между теоретическими результатами и эмпирическими данными исследования; отсутствие единого понимания, обязанное использованию участниками разных исследовательских стратегий, столкновение которых, тем не менее, может привести к возникновению искомого единого понимания; проблема взаимопонимания участников на уровне взаимной экспертизы проделанной исследовательской работы, когда достижение взаимопонимания зависит от того, «как увидеть» и «что услышать», и когда участники стараются, поэтому, использовать понятные всем визуальные репрезентации и компьютерное моделирование исследовательских результатов.

Уже из этого перечня хорошо видно, насколько важен язык коммуникации – чтобы последняя вообще состоялась. Не говоря уже о том, насколько важна сама коммуникация, в которой профессионалы науки, казалось бы, вооруженные единым научным методом и способные, представляя даже разные области знания, без проблем профессионально понимать друг друга, тем не менее, договариваются о смыслах и, более того, открывают новые смыслы. Значит, коммуникация в науке не просто сопровождает или обуславливает, но непосредственно формирует научные результаты, выступая процедурой, методом их получения [30; 31].

Важнейшая особенность коммуникации – не только в науке, но и в человеческой культуре вообще – состоит в том, что её эвристика в смысле возникновения цепочки взаимопонимания – нового понимания – нового знания может проявиться лишь тогда, когда коммуникация является не разовой, но пролонгированной во времени, когда она представляет собой процесс, последовательность коммуникаций. Собственно, так и организована социальная коммуникация, о которой мы обычно не задумываемся, участвуя в ней ежедневно. Разовая коммуникация ничего не прояснит для её участников, не сдвинет их взаимопонимание с места – каждый участник просто не успеет прийти к взаимопониманию, останется при своём понимании, и развитие не состоится. Общество, где коммуникация подавляется или каким-то образом ограничивается, начинает буксовать в развитии, не накапливая нового интересубъективного знания и, тем самым, угрожая собственному самосохранению. Поэтому общество из инстинкта самосохранения стремится к расширению и демократизации коммуникации как фундаментального механизма своего развития через рост взаимопонимания, т.е. рост интересубъективного знания. Несвободная же, ограниченная коммуникация – это разобщение людей, которые испытывают дефицит креативного интересубъективного смыслового поля [32; 33].

В связи с этим современные процессы информационной глобализации фундаментально позитивны, поскольку беспрецедентно облегчают коммуникацию и, следовательно, должны вести к росту взаимопонимания – интересубъективного смыслового поля в глобальном масштабе, создавая небывалый импульс к развитию. Институт науки – не просто часть, но модель общества, подверженная всем структурным перестройкам общества, в том числе структурной перестройки, связанной с процессами информационной глобализации. Междисциплинарная коммуникация в современной науке – это адекватный ответ на информационную

глобализацию, ответ в виде профессиональной коммуникации, опирающейся на компьютерное моделирование исследовательских процедур. При этом, что коммуникация в социальной системе «наука» всегда играла такую же фундаментально важную роль, как и в системе «общество» – просто до компьютерных технологий междисциплинарное исследовательское поле создавала математика, которая обслуживала коммуникацию в науке вообще и междисциплинарную коммуникацию в частности. Наука – по крайней мере, с того периода, когда она стала институтом – всегда продвигалась коммуникацией, причём коммуникацией глобальной, настоящая наука всегда была мировой наукой. Научные результаты только тогда чего-нибудь стоят, когда они признаны мировым научным сообществом, проходят экспертизу в мировой коммуникации учёных. Подобная обычная в науке экспертиза облегчена тем, что, как правило, эксперты представляют ту область знания, в которой получены подлежащие экспертизе результаты, и все эксперты, разделяя единый фон знания, не затрудняются в понимании оцениваемого исследовательского проекта. Иное дело, когда экспертная коммуникация происходит в междисциплинарной области – тогда каждый участник коммуникации обладает лишь частичным знанием в ходе исследования, знанием своей части работы. В этой ситуации требуется уже прямая и систематическая коммуникация с тем, чтобы непосредственно обмениваться информацией для выстраиваемого в рабочем порядке интересубъективного смыслового поля, которого в данном случае нет. Это интересубъективное смысловое поле выстраивается всякий раз заново, под конкретный проект – оно эмерджентное и потому креативное, его появление и развитие есть одновременный рост и взаимопонимания и нового знания [34; 35; 36].

Тем самым, междисциплинарная коммуникация в науке – это качественно новая наука, в которой коммуникация переходит на принципиально новый уровень командной мозговой атаки на конкретную исследовательскую задачу. В «старой науке», где междисциплинарное сотрудничество не только не было развито, но и, в целом, не приветствовалось, где коммуникация была разобщена, находясь в границах разных областей знания, и имела монодисциплинарный характер, развитие происходило довольно вяло – именно из-за ограниченной коммуникации. В современном социуме информационная глобализация высвободила коммуникацию, сделав его «быстрым» и креативным. При этом увеличились риски, но рисков нет там, где нет движения. В «старой науке», как и в

«старом социуме», коммуникация сдерживалась, а сдерживаемая коммуникация означает повторение ею пройденного, сдерживание в ней потенциала креативности, неожиданности, новизны – означает коммуникацию, нацеленную на сохранение статус-кво, что само по себе делает её ненужной. Между тем мы нуждаемся в своеобразном словаре, который бы для всех нас придал одной и той же вещи единый смысл. Такой словарь может родиться только в свободной коммуникации, в которой люди, обладая в одиночку лишь частичным знанием, способны понять друг друга, открыть для себя знания друг друга и прийти вместе к новому знанию [37; 38; 39]. Междисциплинарная коммуникация в науке, как и коммуникация в условиях информационной глобализации, показывают самостоятельную ценность для человека и общества процедуры, процесса, развития. Эта самоценная динамика призвана обеспечить главный свой результат – рост взаимопонимания людей. Главное, чтобы этот рост происходил, в чём и заключается подлинный смысл социального прогресса.

Возможно утверждать, что умаление всеми направлениями эллинистического скептицизма значимости истины не было ни курьёзом, ни банальностью, но явилось глубоким проникновением в природу человеческой рациональности. Античные скептические философы с сомнением относились к истине-результату – к тому, что обретает форму завершения, становясь пройденным и достигнутым. Достигнутое и пройденное немедленно утрачивает своё значение, требуя возобновления движения; и вот почему, наверное, Пиррон и его последователи настаивали на сохранении вечного движения через опровержение «остановки» в виде любого утверждения истины. В этом отношении показательное рассуждение Эпикура о смерти – типичное рассуждение скептически ориентированного философа. Смерть – истина прекращения жизненного движения, и именно поэтому она не имеет для человека никакого значения, она бессмысленная истина, как и всякая истина-результат, останавливающая движение. Все эллинистические школы разрабатывали глубокую идею скептицизма о принципиальной настроенности человеческой рациональности на движение, процесс, процедуру – на как таковую динамику, а не на статику истин-результатов.

Вполне можно увидеть детальную разработку этой античной идеи в современных (посвящённых философии науки) исследованиях того, что можно назвать методом мышления. Мы видим, что, действительно, для нашей рациональности важно достижение взаимопонимания, человеческого единства, и именно это ощущается истиной

и справедливостью. Объективистская же истина оставляет человека равнодушным, поскольку она отчуждена от него и интересна ему только в процессе своего творения, а процесс этот социален, осуществляется как человеческая коммуникация, в которой и рождается высшее для человека благо взаимопонимания. В конце концов, последователи Пиррона прямо говорили, что не может быть **единичных** держателей истины, и именно эту идею олицетворяла фигура «мудреца» во всех скептически ориентированных школах эллинистической философии. «Мудрец» в античном скептицизме – абсолютный критерий в виде **родового** человеческого мышления, коллективного (не одиночного) человеческого разума. Античные скептики понимали или догадывались о том, что истина не объективна – иначе она была бы дана «отдельному уму», который обрёл бы право поучать других и, – вместе с тем, – власть над ними; они понимали или догадывались, что истина, бу-

дучи intersубъективной, может родиться лишь в свободной и равноправной человеческой коммуникации, являясь определённым «конструктом» человеческого взаимопонимания [40; 41; 42; 43]. В данном случае становится хорошо видным глубоко демократический, точнее даже, гуманистический смысл античного скептицизма, который задолго до современной эпохи сумел продемонстрировать следующее: мудрецом является человек, понимающий, что все люди равны перед своим индивидуальным (и групповым) незнанием относительно того, что есть истина; однако, к сожалению, мудрецов мало, и в массе своей люди готовы к порабощению теми, кто объявляет себя держателем истины и использует её знамя как инструмент власти над другими; мудрецы же вынуждены в этих условиях уходить во внутреннюю эмиграцию – довольствоваться согласием с самими собой, чему учили и стоики, и эпикурейцы, и особенно последователи Пиррона.

Список литературы:

1. Гусев Д.А. Философские и исторические предпосылки античного скептицизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2008. № 2. С. 54-62.
2. Гусев Д.А. Скептицизм как высшая форма дискурсивного реализма // Философская мысль. 2014. № 9. С. 21-68.
3. Счастливцев Р.А. Параллелизм сознания в феноменологии Э. Гуссерля // Преподаватель XXI век. 2010. № 1. С. 305-310.
4. Гусев Д.А. Античный скептицизм в перспективе эволюции философии науки и становления морали современного общества // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2011. № 5. С. 83-97.
5. Sextus Empiricus. Pyrrhonianum institutionum Libri III // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom I. Lipsiae, 1840. (Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений / Пер. Н.В. Брюлловой-Шаскольской // Секст Эмпирик. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1976. Т. 2. С. 205-380.)
6. Parker W. Franklin, Holmes, and the epistemology of computer simulation // International studies in the philosophy of science. Basingstoke, 2008. Vol. 22. № 2. P. 165-183.
7. Музьяков С.И. Информационные и межкультурные коммуникации через призму скептической парадигмы мышления // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 4(7). С. 69-74.
8. Гусев Д.А. Скептицизм как «правильная» философия, или три ступени дискурсивного реализма // Дискуссия. 2014. № 10(51). С. 18-22.
9. Прохоров М.М. Истина и действительность // Философская мысль. 2013. № 6. С. 293-387.
10. Гусев Д.А. Античный скептицизм как ранняя форма рефлексии теоретического знания // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2. № 2. С. 204-211.
11. Гусев Д.А., Гатиатуллина Э.Р. Логика и теория научной аргументации: Учебное пособие. М., 2014.
12. Счастливцев Р.А. Редукция и эпохэ в феноменологии Э. Гуссерля // Преподаватель XXI век. 2014. Т. 2. № 1. С. 249-257.
13. Пржиленский В.И. Философия науки как исследовательская программа: между историей науки и теорией познания // Философская мысль. 2013. № 3. С. 205-228.
14. Грязнова Е.В. Предмет философии науки // Философская мысль. 2013. № 6. С. 514-529.
15. Гусев Д.А. Эволюция античного скептицизма от Пиррона до Секста Эмпирика // Гуманитарные исследования. 1999. № 3. С. 40-44.
16. Борзых С.В. Два пути развития науки // Философская мысль. 2014. № 8. С. 72-90.
17. Борисов С.В. Интродукция или рождение классической науки // Философская мысль. 2013. № 2. С. 190-230.
18. Гусев Д.А., Рябов П.В., Манекин Р.В. История философии. М.: Слово, 2004.
19. Гусев Д.А. Роль и значение скептицизма в преподавании философии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 168-173.
20. Гусев Д.А. Мировоззренческая ориентация преподавателя социально-гуманитарных дисциплин в образовательном процессе // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 4(7). С. 62-69.
21. Atkinson M. Cognitive science and philosophy of mind // Understanding cognitive science. N.Y. etc., 1988. P. 46-68.
22. Ronzoni M., Valentini L. On the meta-ethical status of constructivism: reflections on G.A.Cohen «Facts and principles» // Politics, Philosophy & Economics. L., 2008. Vol. 7. № 4. P. 403-423.
23. Monteiro M., Keating E. Managing misunderstandings. The role of language in interdisciplinary scientific collaboration // Science communication. 2009. Vol. 20. № 10. P. 2-23.
24. Гусев Д.А. Экзамен – всегда «праздник»? // Высшее образование в России. 2003. № 2. С. 84-86.

25. Флеров О.В. Роль и значение сравнительно-исторического метода в лингвистике // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 5 частях. М., 2014. С. 106-107.
26. Рыбакова Н.А. Манипулятивный стереотип профессиональной деятельности педагога и способы его преодоления // Современное образование. 2015. № 1. С. 124-142.
27. Флеров О.В. Влияние современных педагогических идеалов на обучение иностранным языкам // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 8. С. 109-111.
28. Гусев Д.А. Основные принципы эффективного построения системы дистанционного обучения // Наука и школа. 2014. № 5. С. 106-112.
29. Флеров О.В. Особенности преподавания второго иностранного языка в нелингвистическом вузе // Современное образование. 2015. № 1. С. 1-25.
30. Гусев Д.А. К вопросу о риторической культуре преподавателя высшей школы // Современное образование. 2015. № 2. С. 141-176.
31. Рыбакова Н.А. Мотивационные источники самоактуализации педагога в профессиональной деятельности // Современное образование. 2015. № 1. С. 69-99.
32. Гусев Д.А. Логическая культура в преподавательской деятельности // Преподаватель XXI век. 2005. № 1. С. 15-21.
33. Флеров О.В. Особенности преподавания английского языка студентам с высоким уровнем языковой подготовки // Современное образование. 2015. № 1. С. 100-123.
34. Гагиатуллина Э.Р. Горек ли корень учения? Или к вопросу о личности педагога в образовательном процессе // Современное образование. 2015. № 2. С. 20-44.
35. Флеров О.В. Повышение эффективности обучения студентов иностранному языку на основе коммуникативной методики: Дис. ... канд. пед. наук. М., 2013.
36. Гусев Д.А. К вопросу о содержании учебного курса философии в средней и высшей школе // Наука и школа. 2002. № 4. С. 2-7.
37. Потатуров В.А. Культура и цивилизация: диалектика взаимоотношений (методологические аспекты) // Образовательные ресурсы и технологии. 2014. № 3(6). С. 52-62.
38. Гусев Д.А. Docendo discimus – уча, мы учимся сами: Сборник статей. М.: Директ-Медиа, 2013.
39. Флеров О.В. Блог как средство обучения английскому языку // Педагогика и просвещение. 2014. № 4. С. 66-73.
40. Гагиатуллина Э.Р., Тайсаев Д.М. Механизм демаргинализации в современных социально-экономических условиях // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 1. С. 68-75.
41. Флеров О.В. Корпоративное обучение английскому языку как способ повышения уровня коммуникативной компетенции сотрудников международных компаний // Современное образование. 2015. № 2. С. 116-140.
42. Рыбакова Н.А. Феноменологические основы самоактуализации личности // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2005. № 5-2. С. 26-37.
43. Гагиатуллина Э.Р., Тхагапсоев Х.Г. Идентичность как категория социальной философии // Перспективы науки. 2013. № 10(49). С. 96-98.
44. Шебанова М.А. Космополитическая идентичность как одна из форм транснациональных идентичностей // Политика и общество. 2013. № 8. С. 1039-1051. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.8781)
45. Спирина Э.М. Постмодернистская трактовка идентичности // Психология и психотехника. 2011. № 6. С. 72-79.
46. Барбашин М.Ю. Исследования этногенеза в современной этносоциологии: общие вопросы методологии // Политика и общество. 2013. № 7. С. 877-883. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.9101)
47. Жигальцова Т.В. Подходы к понятиям "модерн" и "постмодерн" в теории культуры // Философия и культура. 2011. № 11. С. 102-113.
48. Розин В.М. Прогнозирование и методологическое осмысление российского образования и социальности // Педагогика и просвещение. 2012. № 3. С. 44-56.
49. Репьева А.М. Проблемы формирования национальной идентичности в США и России // Международные отношения. 2013. № 2. С. 197-203. (DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.13)
50. Бухаров Д.Н. Сущностные свойства и потребности как источник идентичности человека // Философия и культура. 2013. № 5. С. 709-717. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.13)
51. Гуревич П.С. Феномен идентичности в трактовке Поля Рикёра // Психология и психотехника. 2013. № 5. С. 421-423. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.5.8845)
52. Кузнецова А.И. Роль национальной идентичности в международных отношениях на современном этапе // Международные отношения. 2013. № 2. С. 185-191. (DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.11)
53. Трунов Д.Г. Изменённое состояние сознания как фактор трансформации идентичности в «ритуалах перехода» // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 345-351. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.5)
54. Докучаев Д.С. Региональная идентичность: понятие, структура, функции // Философия и культура. 2012. № 12. С. 15-22.
55. Гуревич П.С. Зодчий нового поколения // Философия и культура. 2012. № 11. С. 4-9.

References (transliteration):

1. Gusev D.A. Filosofskie i istoricheskie predposylki antichnogo skeptitsizma // Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya. 2008. № 2. S. 54-62.
2. Gusev D.A. Skeptitsizm kak vysshaya forma diskursivnogo realizma // Filosofskaya mysl'. 2014. № 9. S. 21-68.

3. Schastlivtsev R.A. Parallelizm soznaniya v fenomenologii E. Gusserlya // *Prepodavatel' XXI vek*. 2010. № 1. S. 305-310.
4. Gusev D.A. Antichnyi skeptitsizm v perspektive evolyutsii filosofii nauki i stanovleniya morali sovremennogo obshchestva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2011. № 5. S. 83-97.
5. Sextus Empiricus. *Pyrrhonianum institutionum Libri III* // Sextus Empiricus. Opera Graece et Latine. Tom I. Lipsiae, 1840. (Sekt Empirik. Tri knigi pirronovykh polozhenii / Per. N.V. Bryullovoi-Shaskol'skoi // *Sekt Empirik. Soch. v 2 t. M.: Mysl'*, 1976. T. 2. S. 205-380.)
6. Parker W. Franklin, Holmes, and the epistemology of computer simulation // *International studies in the philosophy of science*. Basingstoke, 2008. Vol. 22. № 2. P. 165-183.
7. Muzyakov S.I. Informatsionnye i mezhkul'turnye kommunikatsii cherez prizmu skepticheskoi paradigmy myshleniya // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 2014. № 4(7). S. 69-74.
8. Gusev D.A. Skeptitsizm kak «pravil'naya» filosofiya, ili tri stupeni diskursivnogo realizma // *Diskussiya*. 2014. № 10(51). S. 18-22.
9. Prokhorov M.M. Istina i deistvitel'nost' // *Filosofskaya mysl'*. 2013. № 6. S. 293-387.
10. Gusev D.A. Antichnyi skeptitsizm kak rannaya forma refleksii teoreticheskogo znaniya // *Prepodavatel' XXI vek*. 2010. T. 2. № 2. S. 204-211.
11. Gusev D.A., Gatiatullina E.R. *Logika i teoriya nauchnoi argumentatsii: Uchebnoe posobie*. M., 2014.
12. Schastlivtsev R.A. Reduktsiya i epokhe v fenomenologii E.Gusserlya // *Prepodavatel' XXI vek*. 2014. T. 2. № 1. S. 249-257.
13. Przhilenskii V.I. Filosofiya nauki kak issledovatel'skaya programma: mezhdru istoriei nauki i teoriei poznaniya // *Filosofskaya mysl'*. 2013. № 3. S. 205-228.
14. Gryaznova E.V. *Predmet filosofii nauki* // *Filosofskaya mysl'*. 2013. № 6. S. 514-529.
15. Gusev D.A. Evolyutsiya antichnogo skeptitsizma ot Pirrona do Seksta Empirika // *Gumanitarnye issledovaniya*. 1999. № 3. S. 40-44.
16. Borzykh S.V. Dva puti razvitiya nauki // *Filosofskaya mysl'*. 2014. № 8. S. 72-90.
17. Borisov S.V. *Introduktsiya ili rozhdenie klassicheskoi nauki* // *Filosofskaya mysl'*. 2013. № 2. S. 190-230.
18. Gusev D.A., Ryabov P.V., Manekin R.V. *Istoriya filosofii*. M.: Slovo, 2004.
19. Gusev D.A. Rol' i znachenie skeptitsizma v prepodavanii filosofii // *Voprosy filosofii*. 2007. № 2. S. 168-173.
20. Gusev D.A. Mirovozzrencheskaya orientatsiya prepodavatelya sotsial'no-gumanitarnykh distsiplin v obrazovatel'nom protsesse // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 2014. № 4(7). S. 62-69.
21. Atkinson M. *Cognitive science and philosophy of mind* // *Understanding cognitive science*. N.Y. etc., 1988. P. 46-68.
22. Ronzoni M., Valentini L. On the meta-ethical status of constructivism: reflections on G.A. Cohen «Facts and principles» // *Politics, Philosophy & Economics*. L., 2008. Vol. 7. № 4. P. 403-423.
23. Monteiro M., Keating E. Managing misunderstandings. The role of language in interdisciplinary scientific collaboration // *Science communication*. 2009. Vol. 20. № 10. P. 2-23.
24. Gusev D.A. *Ekzamen – vseгда «prazdnik»?* // *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 2003. № 2. S. 84-86.
25. Flerov O.V. Rol' i znachenie sravnitel'no-istoricheskogo metoda v lingvistike // *Nauka, obrazovanie, obshchestvo: tendentsii i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 5 chastyakh*. M., 2014. S. 106-107.
26. Rybakova N.A. Manipulyativnyi stereotip professional'noi deyatel'nosti pedagoga i sposoby ego preodoleniya // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 1. S. 124-142.
27. Flerov O.V. Vliyaniye sovremennykh pedagogicheskikh idealov na obuchenie inostrannym yazykam // *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)*. 2011. № 8. S. 109-111.
28. Gusev D.A. Osnovnye printsipy effektivnogo postroeniya sistemy distantsionnogo obucheniya // *Nauka i shkola*. 2014. № 5. S. 106-112.
29. Flerov O.V. Osobennosti prepodavaniya vtorogo inostrannogo yazyka v nelingvisticheskom vuze // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 1. S. 1-25.
30. Gusev D.A. K voprosu o ritoricheskoi kul'ture prepodavatelya vysshei shkoly // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 2. S. 141-176.
31. Rybakova N.A. Motivatsionnye istochniki samoaktualizatsii pedagoga v professional'noi deyatel'nosti // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 1. S. 69-99.
32. Gusev D.A. Logicheskaya kul'tura v prepodavatel'skoi deyatel'nosti // *Prepodavatel' XXI vek*. 2005. № 1. S. 15-21.
33. Flerov O.V. Osobennosti prepodavaniya angliiskogo yazyka studentam s vysokim urovnem yazykovoi podgotovki // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 1. S. 100-123.
34. Gatiatullina E.R. Gorek li koren' ucheniya? Ili k voprosu o lichnosti pedagoga v obrazovatel'nom protsesse // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 2. S. 20-44.
35. Flerov O.V. *Povyshenie effektivnosti obucheniya studentov inostrannomu yazyku na osnove kommunikativnoi metodiki: Dis. ... kand. ped. nauk*. M., 2013.
36. Gusev D.A. K voprosu o sodержanii uchebnogo kursa filosofii v srednei i vysshei shkole // *Nauka i shkola*. 2002. № 4. S. 2-7.
37. Potaturov V.A. Kul'tura i tsivilizatsiya: dialektika vzaimootnoshenii (metodologicheskie aspekty) // *Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii*. 2014. № 3(6). S. 52-62.
38. Gusev D.A. *Docendo discimus – ucha, my uchimsya sami. Sbornik statei*. M.: Direkt-Media, 2013.
39. Flerov O.V. Blog kak sredstvo obucheniya angliiskomu yazyku // *Pedagogika i prosveshchenie*. 2014. № 4. S. 66-73.
40. Gatiatullina E.R., Taisaev D.M. Mekhanizm demarginalizatsii v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh // *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniya*. 2015. № 1. S. 68-75.

41. Flerov O.V. Korporativnoe obuchenie angliiskomu yazyku kak sposob povysheniya urovnya kommunikativnoi kompetentsii sotrudnikov mezhdunarodnykh kompanii // *Sovremennoe obrazovanie*. 2015. № 2. S. 116-140.
42. Rybakova N.A. Fenomenologicheskie osnovy samoaktualizatsii lichnosti // *Vestnik Altaiskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii*. 2005. № 5-2. S. 26-37.
43. Gatiatullina E.R., Tkhangapsoev Kh.G. Identichnost' kak kategoriya sotsial'noi filosofii // *Perspektivy nauki*. 2013. № 10(49). S. 96-98.
44. Shebanova M.A. Kosmopoliticheskaya identichnost' kak odna iz form transnatsional'nykh identichnostei // *Politika i obshchestvo*. 2013. № 8. S. 1039-1051. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.8.8781)
45. Spirova E.M. Postmodernistskaya traktovka identichnosti // *Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2011. № 6. S. 72-79.
46. Barbashin M.Yu. Issledovaniya etnogeneza v sovremennoi etnosotsiologii: obshchie voprosy metodologii // *Politika i obshchestvo*. 2013. № 7. S. 877-883. (DOI: 10.7256/1812-8696.2013.7.9101)
47. Zhigal'tsova T.V. Podkhody k ponyatiyam "modern" i "postmodern" v teorii kul'tury // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 11. S. 102-113.
48. Rozin V.M. Prognozirovaniye i metodologicheskoye osmysleniye rossiiskogo obrazovaniya i sotsial'nosti // *Pedagogika i prosveshcheniye*. 2012. № 3. S. 44-56.
49. Rep'eva A.M. Problemy formirovaniya natsional'noi identichnosti v SShA i Rossii // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. № 2. S. 197-203. (DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.13)
50. Bukharov D.N. Sushchnostnye svoystva i potrebnosti kak istochnik identichnosti cheloveka // *Filosofiya i kul'tura*. 2013. № 5. S. 709-717. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.13)
51. Gurevich P.S. Fenomen identichnosti v traktovke Polya Rikera // *Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2013. № 5. S. 421-423. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.5.8845)
52. Kuznetsova A.I. Rol' natsional'noi identichnosti v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na sovremennom etape // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013. № 2. S. 185-191. (DOI: 10.7256/2305-560X.2013.02.11)
53. Trunov D.G. Izmenennoye sostoyaniye soznaniya kak faktor transformatsii identichnosti v «ritualakh perekhoda» // *Psikhologiya i psikhotekhnika*. 2013. № 4. S. 345-351. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.5)
54. Dokuchaev D.S. Regional'naya identichnost': ponyatie, struktura, funktsii // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 12. S. 15-22.
55. Gurevich P.S. Zochii novogo pokoleniya // *Filosofiya i kul'tura*. 2012. № 11. S. 4-9.